

9. Шелест, О. Социальная база программ трансформаций в Беларуси / О. Шелест. – Минск : Центр европейской трансформации, 2017. – 153 с.
10. Урбан, Д. Культурные и религиозные ценности населения Беларуси в 2018 году / Д. Урбан. – Минск : Исслед. центр ИПМ, 2019. – 38 с.
11. Борох, О. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» / О. Борох, А. Ломанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>. – Дата доступа : 09.01.2019.
12. Шабалов, М. П. Основы культурной политики Китая / М. П. Шабалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sec.chgik.ru/osnovyi-kulturnoy-politiki-kitaya-2/>. – Дата доступа : 10.01.2019.
13. Lévesque, B. La nouvelle sociologie économique / B. Lévesque; F. Lévesque. – Paris : Desclée de Brouwer. – 2001. – P. 284.
14. Лашук, И. В. Социокультурная дифференциация современного белорусского общества / И. В. Лашук // Социологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 31–53.
15. Урбан, Д. Экономические ценности населения Беларуси в 2018 году / Д. Урбан. – Минск : Исслед. центр ИПМ, 2019. – 37 с.

Поступила в редакцию 06.05.19

Н. Г. Севостьянова

**«НЕ БУДЕМ ПРОКЛИНАТЬ ИЗГНАНИЕ»:
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ Н. А. БЕРДЯЕВА
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

В статье рассмотрены основные идеи историософии и моральной философии Н. А. Бердяева, сформулированные им в условиях вынужденной эмиграции из советской России. На материале философской автобиографии и ряде работ мыслителя обозначены «русская идея» как жанр отечественной философии, а также идеи христианские, свободы и творчества, теодицеи и смысла жизни человека. Акцентирована духовно-нравственная миссия философа, реализованная в многочисленных трудах и жизненном подвиге.

«Не будем проклинать изгнание» – это утешительное высказывание В. В. Набокова (1899–1977), русско-американского писателя и эмигранта «первой волны» 1919 г., отражает двуединство судьбы русской интеллигенции, депортированной из советской России в 20-х годах XX в. ввиду оппозиционности большевистской власти. Смерть и спасение, пожизненное расставание с родиной и возможность плодотворно трудиться сливаются в этом высказывании, отражающем драматизм изгнания интеллектуальной элиты из обновленной страны, в которой им не нашлось места.

Так возникла философия русского зарубежья (континентальная и диаспорная) – пласт мировой интеллектуальной культуры, отмеченный идейным и концептуальным своеобразием. Благодаря активной деятельности мысли-

телей-эмигрантов Запад узнал о русской религиозной философии и метафизике; христианском экзистенциализме и персонализме; моральной, политической, социальной философии; историософии и евразийстве. «Много даров было послано русским людям того взволнованного времени» [1, с. 145].

Изучение наследия философов русского зарубежья, которое стало возможным только в 90-е годы XX в., является *высоко актуальным* в контексте современного познания различных форм отечественного мировоззрения и осмыслении трансформаций духовного мира человека в цифровом обществе. Кроме того, «в памяти есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть» [1, с. 24].

Цель данной статьи – обозначить основные идеи Н. А. Бердяева как философа русского зарубежья, подчеркнуть его духовно-нравственную миссию, реализованную в многочисленных трудах и в жизненном подвиге.

Николай Александрович Бердяев (1874, близ Киева – 1948, близ Парижа) – выдающийся русский религиозный и политический философ, один из основоположников христианского экзистенциализма и персонализма, один из самых читаемых философов XX в. Семь раз был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1942–1948). О себе он писал: «Весной 47-го года Кембриджский университет сделал меня доктором теологии *honoris causa*. Он предпочел меня Карлу Барту и Ж. Маритену, кандидатуры которых тоже выставлялись... Меня всегда не очень любили академические круги, считая меня философом слишком “экзистенциального” типа, скорее моралистом, чем ученым философом. Кроме того, я не теолог, а религиозный философ. Религиозная философия есть очень русский продукт» [1, с. 329]. «Я наследую традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозерцаний, и более всего Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я русский мыслитель и писатель. Кроме того, я сознаю себя мыслителем аристократическим» [1, с. 25].

Бердяев с семьей отбыл за рубеж как пассажир «философского парохода», который сегодня – живая метафора для обозначения акции депортации из советской России инакомыслящих ученых, философов, писателей. В узком смысле слова «философский пароход» – собирательное название для двух рейсов немецких пассажирских судов «Oberbürgermeister Naken» (29–30 сентября 1922 г.) и «Preussen» (16–18 ноября 1922 г.), доставивших изгнанников из Петрограда в Штеттин (Германия). Число их, по разным данным, колеблется от 160 до 200 человек, включая более двадцати профессиональных философов. Высылки осуществлялись также на пароходах из Одессы и Севастополя в Константинополь (19 сентября 1922 г.), поездами из Москвы в Латвию (Ригу, 23 сентября 1922 г.) и Германию (Берлин). Исследователи отмечают, что «броское определение иррациональной депортации интеллектуального потенциала государства» как символ репрессий 20-х годов XX в. появилось благодаря публицистам, литераторам и журналистам, изучавшим в 80–90-е гг. XX в. «белые пятна» в родной

истории. Тем самым был подчеркнут философский максимум изгнания и огромный вклад, который внесли высланные мыслители в создание и развитие не только отечественной, но и мировой интеллектуальной культуры. В Берлине, Праге, Париже и других центрах русской эмиграции философы стали «светильниками духа», вокруг которых концентрировалась жизнь сообщества.

19 сентября 1922 г. на пароходе из Одессы в Константинополь отправились представители украинской интеллигенции. 23 сентября поездом «Москва–Рига» и далее в Прагу убыла первая крупная партия «инакомыслящих», в числе которых были известные философы П. А. Сорокин с женой и Ф. А. Степун. Следом за ними поездом «Москва – Берлин» отправились и другие.

29 сентября 1922 г. пассажирами первого «философского парохода» из Петрограда в Штеттин (Германия) стали известные русские философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, М. А. Ильин (Осоргин), С. Е. Трубецкой, А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков и многие другие философы, деятели науки и искусства. 30 сентября пароход прибыл в Штеттин: на борту находились изгнанники из Москвы, Казани и других городов. Н. А. Бердяев так вспоминает об этих днях: «Высылаемых было около 25 человек, с семьями это составляло приблизительно 75 человек... Когда мы переехали по морю советскую границу, то было такое чувство, что мы в безопасности. Но вместе с этим чувством вступления в зону большей свободы у меня было чувство тоски расставания на неопределенное время со своей родиной. Я не испытывал подавленности от изгнания, но у меня все время была тоска по России» [1, с. 241].

16 ноября 1922 г. из Петрограда отплыл второй «философский пароход», на борту которого находились Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин и другие философы. 18 ноября в Штеттине высадились 44 человека (с семьями). 3 декабря 1922 г. в Берлин прибыли переселенцы из Грузии (60 человек). Депортация интеллигенции продолжилась и в 1923 г. В его начале за рубеж были высланы известный философ и религиозный деятель С. Н. Булгаков, а также заведующий Толстовским домом-музеем В. Ф. Булгаков.

Основными причинами изгнания интеллигенции из советской России стали: смена курса с политики военного коммунизма на НЭП и, как следствие, развитие рыночной экономики и предпринимательской инициативы, рост требований политической свободы. Среди причин высылки исследователи называют также «попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту – тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» [2]. Эта воля к сопротивлению указывала на потенциальных противников нового режима, вызывала боязнь утраты политической власти в условиях мирного времени.

Трагедия передовой части русской интеллигенции, долгие годы готовившей революцию, заключалась и в отсутствии у нее таланта власти и неостребованности новой властью, которая смогла дать урок не только депортированным, но и сомневающимся. «Для людей мысли и духа положение стало трагическим и непереносимым. Деятели русской духовной культуры принуждены были переселиться за рубеж. Отчасти это была расплата за социальное равнодушие творцов духовной культуры» [1, с. 164]. «В отъезде было для меня много мучительного, приходилось расставаться со многими, и впереди была неизвестность. Но мне предстоял еще длинный и интересный путь на Западе и очень творческая для меня эпоха. В моей высылке я почувствовал что-то провиденциальное и значительное. То было свершение моей судьбы» [1, с. 237].

Диапазон современных оценок феномена «философский пароход» по-прежнему широк: от инвектив в адрес депортированной «пятой колонны» (названия публикаций: «Очистим Россию надолго» [3], «Высылка вместо расстрела», «Выслать за границу безжалостно») до признания великой миссии философов русского зарубежья; от губительного до спасительного смыслов русской эмиграции. Современные исследовательские попытки объективного анализа репрессий против инакомыслящих сводятся к их квалификации как «малого эпизода в большой работе по переустройству общества» (А. А. Ермичев). Но осмысливая «философский пароход» как живую метафору, осознаешь нравственную силу и высоту призвания человека; его свободу, ответственность и достоинство; предназначение и патриотизм.

Спустя сто лет задевают за живое строки философской автобиографии Н. А. Бердяева. «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Ко многому я имел отношение, но, в сущности, ничему не принадлежал до глубины, за исключением своего творчества» [1, с. 23].

До эмиграции Н. А. Бердяевым были опубликованы работы: «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916)

и другие. Он принимал деятельное участие в работе религиозно-философских обществ Петербурга и Москвы. Был теоретиком нового религиозного сознания. Публиковался в сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Был причастен к работе журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни». Основал Вольную Академию Духовной культуры. Претерпел эволюцию взглядов от легального марксизма к христианскому экзистенциализму и персонализму. «В течение пяти лет я прожил в советском коммунистическом строе, и все эти пять лет я отличался моральной непримиримостью. Могу сказать, что за это трудное время я никогда не изменял себе. Я даже горжусь этими годами своей жизни и признаю за ними особенное достоинство в моей биографии. Вокруг я видел много людей, изменивших себе» [1, с. 224]. «Годы, проведенные в советской России, давали мне чувство наибольшей остроты и напряженности жизни, наибольших контрастов. Я совсем не чувствовал подавленности. Я был духовно активен» [1, с. 226].

После эмиграции ученым были опубликованы основные труды: «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (1923), «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (1923), «Мирозерцание Достоевского» (1923), «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924), «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939), «Русская идея» (1946), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947). Посмертно изданы книги «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949), «Царство Духа и царство Кесаря» (1951) «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1952). Через три года после смерти жены Н. А. Бердяев скончался, сидя за письменным столом.

Первые годы его изгнания прошли в Берлине, где философ участвовал в создании Русского научного института и Русской религиозно-философской академии, которая была затем перенесена в Париж. Там же в 1925–1940 гг. Н.А. Бердяев издавал религиозно-философский журнал «Путь». Активно участвовал в европейском философском процессе, поддерживая отношения с соотечественниками Л. И. Шестовым, С. Н. Булгаковым, С. Л. Франком, П. А. Флоренским, Д. С. Мережковским, П. Б. Струве; с западными философами М. Шелером, О. Шпенглером, Ж. Маритеном, Э. Мунье, Г. Марселем, К. Бартом.

Однако «трагизм положения увеличился от того, что произошло столкновение с ультрареакционным течением в эмиграции, с консервативно-традиционным и клерикальным православием, не желающим знать всего творческого движения религиозной мысли начала XX века, с реставрационной политикой, возделующей утерянное привилегированное положение» [1, с. 165]. «Меня считали левым и почти коммунистом. Но мне чужды все течения и группировки. Я остаюсь индивидуальным мыслителем и всегда возвращаюсь к себе, в свою индивидуальную мысль. Я мыслю о времени,

о своей эпохе, но я несвоевременный мыслитель» [1, с. 251]. «Я более всего дорожил независимостью и свободой мыслителя и ни для какого лагеря никогда не подходил» [1, с. 244]. «У меня всегда была большая чуткость ко всем направлениям и системам мысли. Я с большой чуткостью мог вжиться в толстовство, буддизм, кантианство, марксизм, ницшеанство, томизм, германскую мистику, религиозную ортодоксию, экзистенциальную философию, но я ни с чем не мог слиться и оставался самим собой» [1, с. 270]. Этим во многом определяется насущность оригинального дискурса «философа свободы», интерес к его рефлексии в современную эпоху критического мышления.

«Русская идея» Н. А. Бердяева связана с характером и призванием русского народа. Он «не есть народ западноевропейский, он – в большей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И западники и славянофилы не могли понять тайны русской души. Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему. Революционеры, – восточники по своей стихии и западники по своим учениям, загубили великий замысел Божий о России, помешали претворению двух стихий и двух начал в подлинную всечеловечность» [4, с. 18–19].

«Русские или нигилисты, или апокалиптики». В русском народе сочетаются жестокость и человечность, индивидуализм и безликий коллективизм, искание Бога и безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт. В истории проявились такие черты национального характера, как покорность власти, мученичество, жертвенность и склонность к разгулу и анархии. По мысли философа, русская идея коренится в идее братства людей и народов, ибо русский народ по своей душевной структуре религиозен, открыт и соборен. Впоследствии Н. А. Бердяев «сумел перевести внешнюю событийность в личностно-экзистенциальный план, избрать патриотизм как любовь к своему народу и веру в его «призвание», противостоящую национальному мессианству. Это глубоко пережитый и продуманный личный выбор» [5, с. 6–7].

«Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [1, с. 102]. «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад? Я принес эсхатологическое чувство судеб истории, которое западным христианам было чуждо. Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции. Принес с собой сознание кризиса исторического христианства, конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего. Принес также русскую критику рационализма, изначальную русскую экзистенциальность мышления. Русским я считаю также понимание христианства как религии Богочеловечества» [1, с. 247].

Христианские идеи. По сути, отношения с церковью у Н. А. Бердяева были нераздельными и неслиянными. Оставаясь православным, он рассуждал о церкви «Третьего завета» и приближении эпохи Духа, который еще не явил себя как ипостась Святой Троицы. «Я представитель свободной рели-

гиозной философии, но православие мне ближе католичества и протестантизма, и я не терял связи с Православной церковью» [1, с. 173]. «Я удержался в жизни, ни на что не опираясь, кроме искания божественной истины. Мое главное достижение в том, что я основал дело своей жизни на свободе. Я не должен представляться каноническим типом верующего» [1, с. 313].

В поисках онтологического аргумента при изучении духовного опыта вполне возможно опираться на следующее высказывание Н. А. Бердяева: «Я не верю в возможность рациональной онтологии, я верю лишь в возможность феноменологии духовного опыта, символически описываемого» [1, с. 207]. «Моя философия не принадлежит к онтологическому типу и есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви. Я утверждаю примат свободы над бытием» [1, с. 278].

Идеи свободы и творчества в моральной философии Н. А. Бердяева [6, с. 104–111] более всего раскрыты в книге «О назначении человека». В ней рассмотрены теоандрическая (богочеловеческая) этика, соединяющая в себе три посюсторонних этики (закона, искупления, творчества) и одну потустороннюю (эсхатологии) этику. Философия свободы и творчества, экзистенциальный персонализм мыслителя основан на рассуждениях о вере как спасении, на цельной жизни духа, реализме и мистике, истине как «пути и жизни». Прежде всего, «человек есть существо метафизическое. Этого моего убеждения не может пошатнуть низость эмпирического человека. Мне свойствен пафос человечности» [1, с. 213]. «Живое конкретное существо, вот этот человек, выше по своей ценности, чем отвлеченная идея добра. Настоящий парадокс в том, что это и есть высшая идея человечности и персонализма» [7, с. 314]. «Я пытался проповедовать человечность в самую бесчеловечную эпоху» [1, с. 215].

Человек живет в трех мирах: божественном, природном, дьявольском. Подчинен трем принципам: божественному промыслу, свободе духа и природной необходимости. Исповедует три «земные» этики. «В человеке пересекаются все круги бытия. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье. Но понять его можно лишь из того, что выше его» [7, с. 55].

Примат Бога над бытием достоверен для экзистенциалиста, но над свободой даже Бог не властен, поскольку не творил ее. Свобода, в том числе добытийственная, иррациональная, интегрированная в Ничто, отделенная от Бога и от человека, является не только причиной онтологического зла, по мысли философа, но и объяснением сути и антиномий морали. Распаду духовности противостоит только творчество, гармонизирующее жизнь, ведущее к смыслу через бессмысленное. Но творчество является объективацией свободы, и тем самым выражается как необходимость, сковывающая человека. Выходит, социальная жизнь антиперсоналистична, и поэтому преодоление одиночества возможно в мистическом опыте и необъективируемой вере.

Философ утверждает, что способность к творчеству оправдывает человека, оказывается главной ценностью, направленной от личности к миру,

дарующей страдание, которое превыше счастья и радости. Смысл жизни человека усматривается в творчестве; целью жизни объявляется творческое восхождение, а не спасение. Именно в этом свете личность (дух) выступает как экзистенциальный центр творческой энергии, а создаваемый ею объект результирует две интенции духа: интериоризацию и экстериоризацию. Последняя есть несвободная форма духа, но «мир страшно беден и плосок, если он довлеет себе, если нет Тайны за ним» [7, с. 325].

Идея теодицеи. Этика и мораль закона указывают на «два разных добра»: в условиях греховного мира («оценивающее и судящее») и потустороннее (иное по качеству, «изливающее свет»). Идея второго добра ведет к более высокому нравственному уровню личности и рождается не из равнодушия ко злу, а из глубокого переживания проблемы зла. Такая этика социальна и авторитарна, потому что субъектом нравственной оценки в ней выступает общество, устанавливающее запреты, нормы и ценности. Общеобязательная этика закона человечна и бесчеловечна в одно и то же время, по тонкому замечанию философа. Это значит, данная этика охраняет личность, регламентирует ее жизнь, не проникая в интимную глубину индивидуальности; но этика закона и беспощадна к судьбе личности, она знает внешнего, но не внутреннего человека.

«Этика закона, как этика греха знает отвлеченное добро, но не знает неповторимой индивидуальности» [7, с. 93]. Здесь добро и зло неразличимы «как по ту, так и по эту сторону», потому что детерминированы свободой как главным условием нравственной жизни человека. Свобода имплицитно охватывает онтологичность зла, природу которого не могут прояснить человеческие оценочные суждения. Зло является «оболганием всех стихий бытия», выступает «духом небытия». В искуплении греха и обожении заключается смысл истории и жизни человека. Н. А. Бердяев считает необходимой социальную и моральную борьбу со злом, но скорее в форме просветления и преображения, чем насилия. Христианство усматривает победу над злом не в смерти и не в рождении, а в воскресении, признает важным не осознание своей греховности, а понимание своего метафизического положения в мире, имеющем конечное существование.

«В центре моего религиозного интереса всегда стояла проблема теодицеи. В этом я сын Достоевского. Единственным серьезным аргументом атеизма является трудность примирить существование всеблагого Бога со злом и страданиями мира. Я пришел к неизбежности допустить существование несотворенной свободы, что, в сущности, означает признание тайны. Бог действует в порядке свободы, а не в порядке необходимости. Он действует духовно. *Бог присутствует не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте.* Бог никакой власти не имеет. К Богу не применимо ни одно понятие, имеющее социальное происхождение» [1, с. 173–174].

Идея Богочеловечества. Основными темами этики и морали искупления философ считает отношение к грешникам, силе, страданию, а также любовь, аскетизм, Царствие Божие. Тема любви – это «самая мучительная

проблема христианской этики. Человеку трудно соединить любовь к Богу с любовью к человеку» [7, с. 167]. Но именно от Бога человек получает силы, чтобы любить. «Это человек бесчеловечен. Бог же человечен. Вот как я осознал для себя основной миф христианской богочеловечности: это есть тайна двойного рождения, рождения Бога в человеке и рождения человека в Боге» [1, с. 176]. «Я мог принять и пережить христианство лишь как религию Богочеловечества» [1, с. 175]. Искупляющая идея прощения возвышается над добром и злом, призывает никого не судить, помиловать грешников. «Есть два нравственных пафоса: один требует прежде всего нравственной высоты от себя и своих, другой прежде всего обличает чужих. Второй пафос не христианский» [7, с. 106]. Мораль искупления превращает путь страдания в путь спасения человека, рекомендует сострадание как способ облегчения собственного переживания.

Идея творчества. Этика и мораль творчества выводятся философом из учения о пробуждении человеческого духа и творческой духовной силы. Так становится важным не принятие закона добра, а индивидуальное творчество добра. Мораль творчества по сути жертвенна, но ее жертвы связаны со вдохновением и забвением самого себя, поскольку «этика творчества исходит от личности, но направлена она не на личность, а на мир, в то время как этика закона исходит от мира, от общества, и направлена на личность» [7, с. 122]. В системе координат творчества становятся наиболее значимыми духовность, свобода и совесть. Путь от духовности к социальности, а не наоборот, является должным с точки зрения мыслителя. Инфернальная духовность связана с гордыней и другими грехами, а подлинная христианская духовность христологична и «горяча», коррелирует с творчеством, свободой и любовью.

Идея смысла жизни. Эсхатологическая этика и мораль содержат рассуждения о смерти, об аде и рае. Так, смерть предполагает скорее надежду, чем страх, поскольку жизнь, и без того наполненная смертью, требует «конца во времени». «Победа над смертью представлялась мне основной проблемой жизни. Смерть я считал событием более глубоким, более основным для жизни, более метафизическим, чем рождение» [1, с. 283]. «Нравственный парадокс жизни и смерти выразим в этическом императиве: относись к живым, как к умирающим, к умершим относись, как к живым, т.е. помни всегда о смерти как о тайне жизни и в жизни и в смерти утверждай всегда вечную жизнь» [7, с. 220]. Ад представляет собой отсутствие действия Бога на душу, погружение души в ее собственную тьму. Ад создается самим человеком, и ужас ада, а не смерти, является для него последним. В аду человека мучит не Бог, это сам человек мучит себя Богом.

Мыслитель словно вторит выводу С. Л. Франка «Смысл жизни – в ее утвержденности в вечном» и отмечает: «ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви. Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к вечности, если оно есть выход из времени» [1, с. 49]. «Дух хочет вечности. Материя же знает лишь временное. Настоящее достижение есть достижение вечности» [1, с. 50].

Повествуя о своей окончательной философии, Н. А. Бердяев отмечает: «Основная метафизическая идея, к которой я пришел в результате своего философского пути и духовного опыта, это идея примата свободы над бытием» [1, с. 105]. Прибавим к этому «русскую» и христианские идеи, а также идеи творчества, теодицеи, смысла жизни, обозначенные здесь в живом резонансе с текстами мыслителя русского зарубежья в постсовременном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев, Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев; вступ. ст. А. А. Ермичева. – Л. : Лениздат, 1991. – 399 с.
2. *Макаров, В. Г.* Историко-философский анализ внутривластной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России / В. Г. Макаров. – М. : Русский путь, 2010. – 368 с.
3. «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. : Документы. – М. : Материк, 2008. – 848 с.
4. *Бердяев, Н. А.* Философия неравенства : письма к недругам по социальной философии / Н. А. Бердяев // Русское зарубежье : Из истории социальной и правовой мысли. – Л. : Лениздат, 1991. – С. 7–242.
5. *Бердяев, Н. А.* Судьба России / Н. А. Бердяев; вступ. ст. Л. В. Полякова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 256 с.
6. *Севостьянова, Н. Г.* Трансрациональная семантика учений о религиозной морали в русской философии конца XIX – начала XX в. / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 143 с.
7. *Бердяев, Н. А.* О назначении человека / Н. А. Бердяев; вступ. ст. П. П. Гайденко. – М. : Республика, 1993. – 383 с.

Поступила в редакцию 21.03.2019

Б. Я. Мигас

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ И РЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (краткий обзор)

В статье рассмотрены этапные шаги в развитии подходов к исследованию международных отношений общественно-политическими науками по мере их освобождения от засилья религии и закрепления в политической практике прагматизма, геополитических установок, амбициозных претензий отдельных стран на мировое лидерство и даже господство. Показана методологическая и практическая роль политологии, социологии, конфликтологии и других общественных наук в анализе мировой политики, международных отношений, их оценки и корректировки в рамках международного права, морали и мирового общественного мнения в глобализирующемся мире.

Если исходить из того, что международные отношения (МО) появились и развиваются со времен родо-племенной организации общества и сводились первоначально, главным образом, к проблеме войны и мира, то это означает,